

СОЦИОЛОГИЯ

Так кто же освободил Освенцим?

Российско-германское исследование выявило отличия в историческом сознании русских и немцев. Его обзор для «Д» подготовил доктор **Феликс Краватцек**, научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований в Берлине.

Феликс Краватцек

Нынешнее состояние политической отчужденности между Германией и Россией обусловлено, в частности, тем, что взгляд на изломы богатой на конфликты истории XX века в корне отличается. Знать, как та или иная страна смотрит на свою историю, важно, чтобы понять, как она воспринимает себя: видение истории других стран многое говорит о межгосударственных отношениях.

Исторические дискуссии, ведущиеся в Германии, позволяют констатировать, что фундаментальный общественный консенсус относительно самкритического видения собственной истории в стране становится все более зыбким. Похоже, что историко-политические высказывания крайне правой «Альтернативы для Германии» о якобы относительноном характере преступлений национал-социализма — это лишь верхушка айсберга из множества нарушений табу. Более того, в последние два года особенно возросло количество антисемитских и отчасти антисоциалистских актов, начиная со стрельбы у синагоги в Галле в октябре 2019 года и заканчивая сожжением израильского флага в мае 2021 года.

В российской дискуссии обращает на себя внимание то, насколько история становится инструментом для достижения внутри- и внешнеполитических целей. Так, государственные образовательные программы призваны обеспечить политическую лояльность молодого поколения, апеллируя к истории, а международные инициативы, такие как фонд «Русский мир» или шествия «Бессмертного полка» в различных странах мира, — поддержку русскоязычного населения за рубежом. Голоса несогласных с официальной интерпретацией, в особенности в контексте истории Советского Союза и Второй мировой войны, остаются практически неслышанными. В обновленной Конституции прописано наличие официального видения истории: статья 67 гласит, что государство «обеспечивает защиту исторической правды» и «читит память защитников Отечества». Критика героической обороны Отечества не допускается.

Центр восточноевропейских и международных исследований, работающий при поддержке Фонда им. Готтлиба Даймлера и Карла Бенца, провел онлайн-опрос об историческом сознании с участием 2 тыс. респондентов в Германии и такого же количества россиян в возрасте от 16 до 65 лет. Такое исследование позволяет сделать выводы об исторических оценках населения

Советские солдаты освобождают один из концлагерей

и, следовательно, об их совпадении и отличиях в наших двух странах.

27 января 1945 года красноармейцы вошли до Освенцима. В России освобождение самого крупного концлагеря — неотъемлемая часть памяти о Второй мировой войне,

Около четверти респондентов в Германии предположили, что Освенцим освобождали американцы

основную роль в которой сыграла Красная армия. Более 80% россиян ответили, что Освенцим освободили советские воины. Правда, и здесь отличия между поколениями разительны: правильный ответ дали более 90% опрошенных в возрасте старше 38 лет и лишь 60% более молодых респондентов.

Тем временем в Германии только половина участников попала в точку. Еще около чет-

верти респондентов предположили, что Освенцим освобождали американцы, остальные не стали гадать и воздержались от ответа.

За такими цифрами скрывается глубокая межпоколенческая пропасть: правильно ответили 55% респондентов в возрасте старше 38 лет и только 36% — более юных участников опроса. Кроме того, обращают на себя внимание и различия между представителями различных полов: среди тех, кто ошибся, женщин оказалось на 20% больше, чем мужчин. Если сравнивать восточные федеральные земли с западными, то нужно отметить, что 64% проживающих на территории бывшей ГДР дали правильный ответ — это почти на 20% больше, чем в «старых» федеральных землях.

Для россиян бесспорно, что именно Советский Союз внес самый большой вклад в завершение Второй мировой войны. Героический марш Красной армии на Берлин является краеугольным камнем в фундаменте российской исторической памяти о войне. Как в политическом дискурсе, так и в общественном сознании это сочетается с высоким пониманием долга памяти более чем 20 млн жертв среди гражданского населения и военных. Однако такой фундаментальный исторический консенсус в российском обществе приводит к принципиальной напряженности в связи с иным восприятием исто-

рии в других странах. В Германии память об окончании войны связана с 8, а не с 9 мая. В этот день не чествуют героев, а прежде всего чтут память погибших, и с окончанием войны в первую очередь ассоциируется совсем не Советский Союз.

Среди опрошенных немцев лишь 7% считают, что Советский Союз внес самый большой вклад в победу над фашизмом. Около трети называют Советский Союз наряду с западными союзниками, а еще 44% говорят исключительно о заслуге западных участников антигитлеровской коалиции.

В связи с данным вопросом обращают на себя внимание aberrации памяти между Западом и Востоком. Жители так называемых новых федеральных земель в три раза чаще отмечали только Советский Союз, причем такая оценка еще более характерна для респондентов-мужчин. Похоже, образ военной мощи, внушаемый Россией, они принимают с большей готовностью.

Российское самовосприятие коренным образом отличается: 70% респондентов в России исходят из того, что главную роль в освобождении Европы сыграл именно Советский Союз. Такую оценку разделяет еще больший процент опрошенных пожилого возраста. Их согласие с доминирующим «советско-центристским» дискурсом в современной России контрастирует с мнени-

ем молодых людей, гораздо чаще отмечающих, что СССР внес самый значимый вклад в победу совместно с союзниками. Вездесущий и нацеленный прежде всего на молодежь исторический дискурс, похоже, влияет на них не безгранично.

Извинения за ошибки прошлого могут служить рычагами для снижения напряженности в межгосударственных отношениях. Так, в данном контексте Эммануэль Макрон пошел на открытое обсуждение преступлений Франции в колониальный период, а Германия в мае этого года признала преступления колонизаторов на территории современной Намибии геноцидом.

Будучи знаком признания либеральных ценностей, слова извинения за преступления прошлого могут способствовать укреплению сплоченности общества. После Второй мировой войны извинения тоже стали одним из элементов политики Федеративной Республики в отношении прошлого. При всех недостатках она сыграла свою роль в процессе реинтеграции Германии в международное сообщество демократических государств. И сегодня извинения занимают центральное место в германской практике исторической памяти. По случаю 75-й годовщины освобождения Освенцима президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер в январе 2020 года произнес речь в Яд-Ваше, посвященную памяти жертв, и тем самым последовал примеру своих предшественников на посту. Несмотря на то что сегодняшнюю Германию от окончания Второй мировой войны отделяет более 75 лет, свыше двух третей населения придерживается мнения, что такое извинение обладает большой важностью.

В России на вопрос о важности извинений смотрят совсем иначе. Представители государств бывшей Организации Варшавского договора регулярно требуют, чтобы Россия принесла извинения за общее ограничение политических и гражданских свобод либо за конкретные акты применения силы, такие как Катынский расстрел. В годовщину трагедии в 2020 году Путин признал, что «десятилетиями циничной ложью пытались замарать правду о катынских расстрелах», но не стал извиняться. Напротив, он подчеркнул, что «было бы такой же ложью и подтасовкой возложить вину за эти преступления на российский народ». Такая картина в целом соответствует мнению населения: 70% российских опрошенных считают, что извинения не играют большой роли.

Фундаментальные расхождения в историческом восприятии — важное сопутствующее явление политических трещин между Германией и Россией. Простого их обсуждения недостаточно для устранения актуальной политической напряженности. И тем не менее уважительный диалог на равных и понимание несовершенств, в частности, было, само собой разумеющихся, оценках истории XX века представляются желательными для того, чтобы видение прошлого не продолжало подливать масла в огонь конфликтов настоящего.

ДИСКУССИЯ

Быть осторожным с памятью войны

«Германо-российский форум» провел дискуссию «Что случилось 80 лет назад? Культура памяти как способ формирования будущего в Европе», посвященную памяти о Второй мировой войне. Журналистка **Яна Рождественская** рассказывает для «Д» о ходе этого важного разговора.

Яна Рождественская

В дискуссии приняли участие лауреат Нобелевской премии писательница Светлана Алексиевич, председатель «Германо-российского форума» Маттиас Платцек, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствие д-и.н. Олег Будницкий, профессор кафедры новой и новейшей истории Университета Галле-Виттенберга, научный директор Центра военной истории Йорг Эхтернкамп и директор Института Европы РАН, членкорреспондент РАН Алексей Громыко. Модерировала дискуссию журналистка Джемма Пёрцген.

Перед началом дискуссии выступил посол ФРГ в России Геза Андреас фон Гайр. Он заявил, что нужно придерживаться принципа опоры на источники, даже если это болезненно, и порассуждал о проблеме передачи памяти из поколения в поколение. Фон Гайр отметил, что главный вывод из того страшного времени лично для него состоит в том, что нельзя игнорировать и замалчивать, если появляются права человека — не важно, где это происходит.

Маттиас Платцек заявил, что на Красную армию легла основная нагрузка освобождения Европы от фашизма и тирании. По его мнению, роль Красной армии в последнее время в Германии преуменьшается, а ее заслуга недооценивается, память Второй мировой войны сейчас используется в политических целях.

Буквально несколько дней назад президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер вручил белорусской писательнице Светлане Алексиевич (справа) орден «За заслуги перед ФРГ»

Светлана Алексиевич рассказала о том, как она увидела фотографии двух матерей, которые везли коляски с детьми и эти коляски были сделаны в виде танков, и задумалась, что должно было случиться с памятью, чтобы маленьких детей наряжали в военную униформу. И это, по мнению Алексиевич, не та память, которая должна была остаться от этой ужасной войны. Она говорит, что вспомнила, как у нас (в Белоруссии) спецподразделения боролись с мирными протестующими, и на улицах стояла военная техника, и как протестующие называли полицию «фашистами», а полиция говорила, что «протестующие куплены Западом» — и она снова подумала: что же случилось с па-

мятью? Она отметила, что если единственное, что мы можем сделать вместо диалога, — это назвать друг друга «фашистами», то, на ее взгляд, духовная победа может превратиться в свою противоположность. Алексиевич призналась: она не могла представить, что мы будем когда-нибудь друг друга так называть. «Это произошло потому», — говорила писательница, — что мы не осмысливали наше прошлое. Мы боялись прошлого, и оно возвращается в таком искаженном варианте. Мы видим его реставрацию, метафорой которой являются эти детские коляски в виде танков». Хорошими примерами памяти о войне, на ее взгляд, являются так называемые камни преткновения в Германии — таблички в мостовых с именами евреев, которые жили в этом доме или погибли на этом месте во время холокоста, это помогает помнить о жертвах войны и откликается в людях. Кроме того, нужны дискуссии об этом периоде.

Алексиевич признала, что в последнее время не выходит таких сильных книг о войне, как раньше: «Мы сейчас живем в эпоху, когда искусство и литература просто не справляются с тем, чтобы прочувствовать и проработать эту эпоху, потому что она настолько исключительная». Но Алексиевич думает, что литература возстанет из этого пепла, отойдет от нынешней банальности и еще сможет серьезно об этом времени высказаться.

Олег Будницкий рассказал, что темой его исследований является то, как воспринимали войну обычные люди, свидетели эпохи. Он старается анализировать не наш современный взгляд, а то, как это воспринималось тогда. Если говорить о разных законах и комиссиях по борьбе с фальсификацией истории, вопрос, по его мнению, в том, что является мерилом истины, кто и как будет определять, что вообще является истиной. Будницкий работает с дневниками времен войны: «Люди писали это, не зная, будут ли они живы на следующий день, и это накладывало отпечаток на их дневники. Там было мало великого и масштабного, это была повседневная жизнь людей, которые переживали то, что кажется невыносимым». Его позиция состоит в том, что нужно читать, слушать свидетелей, которые оставили что-то после себя, и именно на этом — на свидетельствах — нужно строить наше понимание Великой Отечественной войны.

Йорг Эхтернкамп придерживается несколько иной точки зрения: если говорить о памяти, нужно критически интерпретировать источники, не воспринимать их так, как будто эти документы один к одному отражают прошлое и факты. Их нужно воспринимать как частное воспоминание, частный опыт, на который воздействуют эпоха и другие обстоятельства. Это не обесценивает того, что источники критически важно изучать, учитывать их как часть процесса памяти. Вторую мировую войну будут долго помнить из-за ее масштабов, в том числе и масштабов насилия, из-за связанного с ней холокоста. Для будущих поколений нужно, с од-

ной стороны, рациональное изучение прошлого, а с другой стороны, восприятие войны с точки зрения эмпатии, посещение памятных мест, связанных с войной и т. д.

По словам Эхтернкампа, два разных взгляда на воспоминания о войне есть на западе и востоке Германии. В ГДР господствовали марксистская историография и интерпретация в духе СССР. В Западной Германии все было настолько сложно, что долгие годы не знали, как называть 8 мая — и день победы, и день поражения были неподходящими формулировками. В 1985 году тогдашний президент Рихард фон Вайцзеккер сказал о дне освобождения. Это было не отражением общего восприятия большинства немцев — конечно, немцы пережили 8 мая 1945 года не как день освобождения, а было программным заявлением, ретроспективной оценкой. Если же говорить об отправной точке, то это не начало войны в 1939 году, а приход к власти национал-социалистов в 1933 году, и вопрос не в том, как Германия пришла к поражению в войне, а как она вообще пришла к национал-социализму и войне.

Алексей Громыко отметил, что на территории бывшего Советского Союза восприятие Второй мировой войны, или, как ее тут чаще называют Великой Отечественной, очень личное, очень персональное. Он согласен с тем, что в истории не бывает черного и белого, но считает, что нельзя иметь исключительно релятивистский подход к истории. В России почти в каждой семье кто-то был на войне или погиб там, так что есть семейные традиции, устная передача памяти и традиций внутри семей. В России об этих событиях знают не только из фильмов или книг. Это очень живые воспоминания, разноплановые, без крайностей в одну или другую сторону. В целом люди знают и понимают, что для нас эта война была священной, что речь действительно шла о жизни и смерти.

Надо отметить, что запись этого круглого стола онлайн посмотрели в YouTube уже тысячи немцев.